

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
«БАЛТИЙСКАЯ ЕВРОПА»

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен Тевтонского ордена и современность

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Издательство
Российского государственного университета им. И. Канта
2010

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43
Б207

Редакционная коллегия

*И. О. Дементьев (отв. редактор); А. В. Барсукова;
И. И. Жуковский; А. А. Лебёдкина*

Ответственность за достоверность публикуемых материалов
несут авторы

Б 207 Балтийские исследования. Феномен Тевтонского ордена и современность: сборник научных трудов / АНО НОЦ «Балтийская Европа». — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. — Вып. 6. — 210 с.

ISBN 978-5-9971-0116-9

Сборник включает научные статьи и разнообразные информационные материалы, характеризующие историю Тевтонского ордена, её влияние на процесс формирования калининградского регионального исторического сознания, актуальные проблемы научной и общественной жизни.

Предназначен для всех интересующихся историей Тевтонского ордена и Калининградской области.

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43

ISBN 978-5-9971-0116-9

© Коллектив авторов, 2010
© АНО НОЦ «Балтийская Европа», 2010
© Ю. И. Блазаренас, дизайн обложки, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	5
-------------------	---

Раздел 1. Современные подходы к изучению истории Тевтонского ордена

<i>Профессор Вернер Паравичини.</i> «Историки должны восстанавливать достоинство истины». Интервью	15
<i>Конопленко А.А.</i> К вопросу об обстоятельствах и условиях шлезвигских соглашений ливонских немцев с датским королём Вальдемаром II в 1218 году.....	20
<i>Котов А.С.</i> «Святое Давида»: гендерный аспект сознания и поведения братьев-рыцарей Тевтонского ордена в Пруссии по нарративным источникам XIV–XV веков	34
<i>Ерёмин Е.М.</i> Литовский князь Миндовг в представлении немецких орденских рыцарей XIII века (по материалам Старшей Ливонской хроники)	49
<i>Вебер Д.И.</i> Влияние Реформации на репрезентацию ландмайстров Тевтонского ордена в Ливонии.....	72

Раздел 2. Тевтонский орден в региональном историческом сознании калининградцев

<i>Манкевич Д.В.</i> «Исконные славянские земли были... вновь возвращены России». История Восточной Пруссии глазами научного сотрудника Института географии АН СССР	83
<i>Брокер Е.Н.</i> Восприятие архитектуры орденского времени в советский период (по материалам газеты «Калининградская правда» второй половины 1940-х – конца 1980-х годов)	90
<i>Лебёдкина А.А.</i> Экскурсия в прошлое «незнакомой» / «знакомой» земли. Размышления о возможностях организации учебного проекта на материале романа К. С. Бадигина «Кольцо великого магистра».....	100

Историческая реконструкция ордена

<i>Дорушин М.Н.</i> Движение исторической реконструкции Тевтонского ордена в Калининградской области.	128
<i>Власов В.И.</i> Движение исторической реконструкции в Черняховске	133
Хроника важнейших событий	138
Можно ли считать замки Тевтонского ордена объектами религиозного назначения? Материалы к дискуссии	
<i>Матузова В.И.</i> «Калининградская область... достойна стать заповедной культурно-исторической зоной»	143
<i>Бахтин А.П.</i> «Прежде всего замки предназначались для обороны определённой территории».....	146
<i>Бирюков Г.О.</i> «Каждый орденский замок был по сути дела монастырём».....	147
<i>Конопленко А.А.</i> «Замки... возводились исключительно в военно-стратегических целях».....	149

Раздел 3. Тевтонский орден: проблемы историографии

<i>Дементьев И.О.</i> «Тевтонский миф». Орден в новейшей французской историографии	150
<i>Бахтин А.П.</i> Цыганская хиромантия вместо истории. Рецензия на русский перевод книги Анри Богдана «Тевтонские рыцари»... ..	166

Раздел 4. Научная жизнь.

Общественные инициативы по регионалистике

<i>Зальцман Э.Б.</i> Результаты раскопок на поселении Прибрежное в 2010 году	179
<i>Оглезнев А.К.</i> Первая научно-практическая конференция «Тевтонский орден: история и современность»	188
<i>Долотова А.Ю.</i> Память о Грюнвальде	189
<i>Банев А.С.</i> Воспитательный потенциал краеведческой работы в средней школе	191
Сайт ORDOTEUTONICUS.RU	195
<i>Указатель имён</i>	197
<i>Географический указатель</i>	202
<i>Summary</i>	207

Раздел 3

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

И. О. Дементьев

«Тевтонский миф». Орден в новейшей французской историографии

Дан обзор книг по истории Тевтонского ордена, изданных на французском языке в 2000-х гг. историками Д. Бюшингер и М. Оливье, а также К. Тоомаспозгом.

«Тевтонский миф» в европейской культуре

Современная французская медиевистика отличается устойчивым ростом интереса к тематике Тевтонского ордена. Путь, проделанный французскими учёными к началу XXI в., в общих чертах охарактеризован в предыдущей статье автора¹. Цель настоящего обзора – представить новейшие результаты французских и франкоязычных историков, продолжающих творчески работать на участке, возделываемом в течение многих лет прежде всего немецкими и польскими исследователями.

¹ *Дементьев И.О.* Тевтонский орден во французской историографии // Вестник РГУ им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 56–62.

В 2007 г. солидную книгу, посвящённую Тевтонскому ордену, выпустили два соавтора¹. Первым на обложке шло имя профессора Пикардийского университета, специалистки по истории языка и литературы средневековой Германии и переводчицы немецких средневековых текстов Даниэль Бюшингер. Её коллегой выступил молодой французский историк Матьё Оливье, работающий в университете Париж XII (к тому моменту он завершал работу над защищённой в 2009 г. диссертацией о рецепции хроник Тевтонского ордена в позднем Средневековье).

Обложка книги выдержана в лучших традициях маркетинга: «[это] ни попытка реабилитации, ни вариация чёрной легенды; это сочинение просто предлагает проследить уникальную судьбу перевоплощения духа крестовых походов, который доминировал некогда над территорией, разделённой ныне между пятью государствами европейского Востока и бывшей ранее территорией Германии» (текст из предисловия, р. 7²). Интересная особенность работы Д. Бюшингер и М. Оливье – настойчивое стремление рассматривать историю ордена как бы в перспективе раздела его территории между пятью государствами (страны Балтии, Польша и Россия). Без учёта этой истории нельзя понять специфику обществ Латвии и Эстонии Нового времени, в которых роль феодалов немецкого происхождения была определяющей вплоть

¹ *Buschinger D., Olivier M. Les Chevaliers Teutoniques. P., 2007.* Название, конечно, совсем не оригинально. Французский читатель за последние три десятилетия смог познакомиться с сочинениями Л. Дэйе, А. Богдана и С. Гугенхейма, которые все назывались точно так же. См.: *Dailliez L. Les Chevaliers Teutoniques. P., 1979; Bogdan H. Les Chevaliers Teutoniques. P., 1995* (переизд. 2002, рус. пер. 2008); *Gouguenheim S. Les Chevaliers Teutoniques. P., 2007.* Разумеется, научный уровень этих публикаций был различным. См. об этом подробнее в вышеуказанной статье о французской историографии.

² Ссылки на книгу Д. Бюшингер и М. Оливье даются в тексте с указанием номера страницы.

до Первой мировой войны (р. 6). Следующий пассаж из введения к работе настолько характерен, что его следует процитировать, невзирая на большой объём: «В эпоху, когда обе половины Европы вновь обнаруживают общность своей судьбы, никто не вправе далее игнорировать богатство истории, которую порой пытались изгладить из памяти на этих истерзанных катаклизмами XX в. землях: так, например, она вновь возникает в наши дни в деликатном споре вокруг российского анклава Калининграда, “окружённого” Европейским союзом. Население, авторитарно переселённое Сталиным тотчас после Второй мировой войны, удерживалось там в полном неведении относительно прошлого ставшего им второй родиной города, бывшего Кёнигсберга, чьё имя даже было изгнано из коллективной памяти; но сегодня сторонники автономии, уставшие от московской опеки, с робостью начинают заново привязываться к прусскому прошлому этого региона в ходе дебатов, бушующих между сторонниками и противниками сближения с объединённой Европой», таким образом, «всё это – грань европейской истории, которая открывается тому, кто интересуется судьбой тевтонских рыцарей» (р. 6–7). Картина, нарисованная французскими историками, не лишена схематизма, однако симптоматична сама постановка задачи интерпретировать орденскую историю в перспективе последующего развития разных государств Восточной Европы. Без адекватного понимания орденского наследия трудно постичь многие особенности исторического пути балтийских государств и российского эксклава.

Восемь глав из девяти позволяют проследить историю ордена. В первой главе описывается его прошлое; во второй характеризуется орден периода подъёма, а в третьей – «орден в поисках новых горизонтов», когда неисповедимыми путями тевтонские рыцари дошли до Пруссии. Четвёртая глава посвящена «золотому веку» (1309–1386 гг.), когда орденское государство пользовалось наивысшим могуществом в Прибалтике. Традиции французской историографии (особенно после

триумфального шествия школы «Анналов») предполагают пристальное внимание к культуре и повседневной жизни средневекового человека: об этих аспектах читатель узнаёт из пятой главы, выполняющей роль своеобразного экватора в работе.

Следующие три главы отсылают к классической для историографии ордена периодизации: «время трудностей» (1386–1525 гг.) – гл. 6; упадок и «габсбургизация» (1525–1809 гг.) – гл. 7; «орден-феникс» (последние два столетия) – гл. 8. В целом характеристика превратностей судьбы тевтонских рыцарей отвечает сложившейся во французской и мировой историографии схеме. В этом смысле работа Д. Бюшингер и М. Оливье носит скорее научно-популярный характер и не представляет читателю принципиально нового подхода к трактовке орденской истории. Совсем другое впечатление производит последняя глава книги. В ней авторы предлагают познакомиться с «историей мифа». По всей видимости, основным автором этой главы выступил М. Оливье – в ней использованы его ранее опубликованные материалы¹.

Авторы исследуют судьбу тевтонского наследия в Пруссии – отношение к орденской истории было неоднозначным в разные периоды. После 1569 г. конфронтация с символами «тиранического прошлого» несколько обостряется, однако нельзя полагать, будто орденская история была под запретом. В XVI–XVIII вв. магистры ордена становятся героями пьес; наиболее образованные представители элиты ищут своих средневековых предков в старинных орденских хрониках: так богатая буржуазная эльблонгская семья Замель (Zamehl) на полном серьёзе пыталась трактовать подобным образом смутное упоминание о некоем «Samel» в одной из хроник (над аналогичными изысканиями вымышленного профессора Кёнигсбергского университета Роде смеётся в пьесе 1730-х гг.

¹ См., например: *Olivier M. L'Ordre teutonique dans la conscience française du XVIe siècle à 1914. Un essai de synthèse // Atala. 2006. №9. URL <<http://www.lycee-chateaubriand.fr/cru-atala/publications/olivier.htm>>*

сам великий магистр Герман фон Зальца) (р. 408–409). Верные традициям школы «Анналов» авторы монографии задаются вопросом, помнили ли рыцарей крестьяне и мелкие горожане; «как это слишком часто бывает в истории, эта память почти полностью ускользает от нас» (р. 409). Остались лишь некоторые образы средневековых угнетателей в кашубских легендах, зафиксированных фольклористами в XIX в.

В XVIII в. в Германии происходит утрата интереса к ордену. В контексте Просвещения образ тевтонских рыцарей превосходно отвечал задаче обвинения «фанатизма» и «средневекового варварства». «Рикошетом, – отмечают авторы книги, – появилось любопытство вперемешку с состраданием в отношении этих прусских язычников» (р. 414). Неизбежным следствием «прусофилии» был чёрный образ завоевания Пруссии рыцарями. Однако историческая мысль совершает следующий крутой поворот в начале XIX в. – в эпоху романтизма. Иоганнес Фойгт опубликовал благожелательную к рыцарям монументальную «Историю Пруссии под тевтонским господством» (1827–1839); трудами Фойгта вдохновлялся Адам Мицкевич при написании «Конрада Валленрода» (1828). Романтическая реабилитация ордена также неразрывно связана с именем поэта Йозефа фон Эйхендорффа (пьеса «Последний герой Мариенбурга» о Генрихе фон Плауэне, 1830) (р. 416).

Д. Бюшингер и М. Оливье продолжают исследовать зигзаги судьбы тевтонского наследия в исторической и общественной мысли Германской империи, Веймарской республики, наконец национал-социалистической Германии. «Нулевым годом» стал 1945-й, когда радикальный разрыв с традициями довоенной историографии в ФРГ привёл к почти полной маргинализации тевтонской темы; вместе с другими вопросами истории бывшей восточнопрусской провинции этот сюжет приобрёл в университетах «скандальный оттенок» (в оригинале – «скандальный запах»). Робкое возвращение к теме наме-

чается в 1970-е гг. – в период «восточной политики» Вилли Брандта (р. 428)¹.

После обзора истории рецепции орденского наследия в Германии авторы прослеживают этот процесс в польской культуре (р. 431–447). Особое внимание уделено «Гражине» и «Конраду Валленроду» А. Мицкевича и роману «Тевтонские рыцари» Ю.И. Крашевского (1874). На нескольких страницах характеризуется восприятие ордена в Польше от времени Пилсудского до (пост)коммунистического периода. Констатируется, что несмотря на все перипетии, на всех этих этапах польской истории XX в. существовали ниши, в которых укрывались исследователи ордена (р. 445). В современной Польше, «бесспорно, звезда яркого мифа, унаследованного от Сенкевича, потускнела» (р. 446). Тон публикаций изменился, стал более нейтральным. Мало-помалу, заключают историки, тевтонский рыцарь вошёл в национальную мифологию как в Германии, так и в Польше. Завершает этот раздел анализ «внутренней памяти» ордена XVI–XX вв. – того, как складывалась собственная историографическая традиция в продолжавшем существовать ордене (р. 447–459).

Три десятка страниц книги посвящены образу ордена во французском историческом сознании (р. 459–489)². Не пре-

¹ Характерно, что историография ГДР оказывается как бы за скобками для авторов монографии. Игнорирование этой части германской истории лишь отчасти обусловлено вытеснением памяти об орденском наследии в социалистической Германии.

² К сожалению, авторы не затрагивают вопрос рецепции ордена в русской и литовской культурах; некоторые подходы к этому сюжету можно обнаружить в статьях: *Matuzova V.I.* Zur Rezeption des Deutschen Ordens in Russland // *Vergangenheit und Gegenwart der Ritterorden. Die Rezeption der Idee und die Wirklichkeit* / herausg. Z.H. Nowak, R. Czaja. Toruń, 2001. S. 133–143 (В.И. Матузова ограничилась обзором российской и советской историографии); *Nikžentaitis A.* Das Bild des Deutschen Ordens in der litauischen Geschichtsschreibung und Publizistik // *Ibid.* S. 115–131 (историография и публицистика).

тендуя на полноту исследования, авторы прослеживают судьбу «тевтонского мифа» на французской почве. Сначала исследуется степень осведомлённости французов в Средние века о тевтонских рыцарях; с началом Нового времени фигура рыцаря стала объектом исторического исследования. Снижение интереса, совпавшее по времени с тем же процессом в Германии, по логике приливов и отливов сменяется оживлением в творчестве романтиков. Уже Ф.-Р. Шатобриан в «Гении христианства» (1802) возносит хвалу тевтонским рыцарям, которые принесли цивилизацию на берега Балтики (р. 467). Французская историческая мысль XIX в. знавала и другие апологетические сочинения, сгруппированные под общим знаменателем «католической историографии». Во второй половине столетия в «учёную историографию» проникают националистические настроения, связанные с обострением франко-германских отношений. Осуждение ордена (воплощения «пангерманизма») французскими историками происходит даже во имя солидарности со славянскими народами – например, в «Истории Польши» Анри Граппена (1915).

В межвоенный период образ тевтонского рыцаря, конечно, эксплуатировался крайне правыми; этот процесс ускорился по мере усиления нацизма по другую сторону границы (р. 477). В то же время этот образ незаметно проникал в изящную словесность (в том числе в творчество М. Юрсенар) по мере открытия ею темы Пруссии и Ливонии.

После 1945 г. подавление памяти об ордене, происходившее в Германии, имело свои параллели во Франции. Однако «тевтонский миф» не исчез вовсе из литературы. Тевтонский рыцарь как персонаж *chanson de geste* грезится Дону Альваро, герою пьесы Анри де Монтерлана «Магистр ордена Сантьяго» (1945); он появляется в мечтаниях Эрнестины в романе Жана Жене «Богоматерь в цветах» (1948) (р. 482–483). От характеристики разовых упоминаний авторы монографии переходят к подробному анализу тевтонских образов в знаменитом «Лесном царе» Мишеля Турнье (р. 484–486). Фантасти-

ческий успех этого романа (его продажи достигли нескольких миллионов экземпляров) не лишён связи с относительным пробуждением интереса к Тевтонскому ордену в течение последних десятилетий (р. 485). Этот интерес, безусловно, связан с «основной матрицей тевтонского воображаемого», которая хорошо известна по легендарному фильму Сергея Эйзенштейна с музыкой Сергея Прокофьева «Александр Невский» (1938). Фильм, как указывают Д. Бюшингер и М. Оливье, имел очевидный идеологический подтекст, обеспечивая стигматизацию германской угрозы и прославление фигуры «вождя». Но именно Эйзенштейн сформировал канон изобразительной репрезентации ордена. Образы тевтонских рыцарей в изобразительном искусстве кажутся «вышедшими из “Александра Невского”» (р. 487), их костюмы и шлемы сохраняют устойчивое влияние иконографии Эйзенштейна.

Резюмируя, авторы монографии размышляют о странной судьбе «тевтонского мифа» во Франции. Долгое время образ оставался безликим, невзирая на все усилия историков; постепенно тевтонский рыцарь становится видимым благодаря визуальным цитатам из фильма Эйзенштейна. Между тем, Тевтонский орден был чем-то *иным* перед тем, как начать своё медленное скольжение по льду Чудского озера, и об этой разнице между фантазией и реальностью авторы попытались поведать в своей книге (р. 488)¹.

Тевтонские рыцари на Сицилии

К впечатляющим результатам развития франкоязычной историографии относится также творчество историка эстон-

¹ В качестве приложений к книге помещены карты, хронологическая таблица, глоссарий, конкорданс топонимов и аннотированная библиография. При воспроизведении российских топонимов в конкордансе даны немецкие названия современных Гвардейска (передано неточно – «Gvardievsk»), Калининграда, Мельниково, Немана и Приморска (р. 521).

ского происхождения Кристиана Тоомаспоэга, который пишет преимущественно на французском языке¹. Он дистанцировался от французской традиции наименования очерков истории ордена и опубликовал в 2001 г. книгу под названием «История тевтонских рыцарей»². Но главным его достижением стал внушительный фолиант, вышедший двумя годами позже³. Это его докторская диссертация, посвящённая теме пребывания Тевтонского ордена на Сицилии. Поскольку она опубликована на французском языке, её *mutatis mutandis* можно отнести к достижениям французской историографии.

Рыцари имели на Сицилии владения с 1197 вплоть до их экспроприации в 1492 г. Бальяж ордена на Сицилии управлялся капитулом, расположившимся в монастыре Святой Троицы в Палермо; образовавшееся таким образом учреждение рыцари называли «la Magione» (итал. «приют, жилище»). В монографии анализируются политические, экономические, религиозные и социальные аспекты истории Тевтонского ордена на Сицилии. Автор опирается на широкий круг источников и литературы (их краткий обзор представлен на первых двадцати страницах). Широко использованы документы орденского письменного фонда в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz) в Берлине, происходящие из старых муниципальных архивов Кёнигсберга. Автором внимательно изучены неопубликованные письма, характеризующие отношения бальяжа и центров принятия решений в ордене XV в.

¹ Очевидно, что национальные историографии в строгом смысле слова («русская», «французская» или «британская историография») релевантны дискурсам национальных государств; по мере глобализации, охватывающей разные стороны современной жизни, происходит пересмотр не только дисциплинарных, но и национальных границ. В этом смысле К. Тоомаспоэг принадлежит скорее к «французской», нежели к «эстонской историографии».

² *Toomaspoeg K. Les Histoire des Chevaliers Teutoniques. Paris, 2001.*

³ *Idem. Les Teutoniques en Sicile (1197–1492). Rome, 2003.*

История ордена на Сицилии представлена в трёх частях основного текста. В приложении воспроизводятся документы, иллюстрирующие различные аспекты этой истории (р. 453–906)¹; почти сто страниц монографии отведено под подробные индексы имён и топонимов (р. 907–1006).

В первой части «Создание и консолидация бальяжа (1197–1291)» (р. 21–166) характеризуется история обоснования тевтонских рыцарей на Сицилии, положение ордена в эпоху императора Фридриха II и далее – вплоть до падения Сен-Жан-д'Акра. Событийная история дополняется характеристикой экономических особенностей управления орденскими владениями, социальных отношений братии с клиентами и зависимыми лицами в рассматриваемый период. Появление тевтонских рыцарей на Сицилии вписывается в геополитический контекст итальянских завоеваний Генриха VI. Рыцари (среди которых первоначально доминировали братья голландского происхождения) обосновались в заброшенном цистерцианском монастыре и получили ряд земель и зданий в Палермо. Возник бальяж ордена, который начал выстраивать отношения с местными элитами, опираясь на союзников покойного Генриха VI на Сицилии. В первые годы своего правления в качестве сицилийского короля знаменитый Фридрих II был не очень расположен к ордену, но изменил своё отношение с 1217 г. в расчёте на помощь рыцарей в борьбе за имперский трон. Великий магистр ордена контролировал бальяж напрямую вплоть до 1225 г. (подчёркивается роль Германа фон Зальца); архивы «la Magione» даже играют роль центральных орденских архивов.

Автор монографии описывает долгий процесс адаптации ордена к сицилийскому обществу. Несмотря на иностранное происхождение ордена (и его зависимость от универсалистской имперской и понтификальной политики), происходила

¹ Здесь и далее ссылки на книгу К. Тоомаспозга приводятся в тексте с указанием номера страницы.

его постепенная адаптация к сицилийскому обществу (формирование системы клиентелы, маневрирование между различными династиями). Падение Сен-Жан-д'Акра изменило основы существования «la Magione». История консолидации завершилась, началась история защиты его интересов.

Этому процессу посвящена вторая часть монографии – «Борьба за выживание» (1292–1391) (р. 167–274). Характеризуются сложная эволюция взаимоотношений братии и власти в течение XIV в., анализируется экономическое положение бальяжа, обсуждаются вопросы отношений братьев и сицилийского общества. Теперь тевтонцы были преимущественно немецкого происхождения (районы побережья Рейна, Франкфурта, Эльзаса). История ордена на Сицилии в этот период отмечена четырьмя крупными явлениями: а) перемещение великих магистров в Мариенбург (1309) после падения Сен-Жан-д'Акра и постепенная передача управления бальяжами в Средиземноморье немецким магистрам; б) экономический подъём, который переживала Сицилия в 1290–1300 гг., и последующий кризис; в) новое усиление гибеллинской политики и вмешательство Людвига Баварского в междоусобицы на Сицилии; г) общая нестабильность на острове в связи с ослаблением центральной власти. В XIV в. орден создаёт на Сицилии сеть небольших местных церквей, которые управлялись капелланами и гарантировали укрепление взаимоотношений тевтонцев и сицилийцев на местном уровне. Следуя традиционной политике покровительства меньшинствам, капитул оказывал поддержку немцам в Палермо, взаимодействовал с еврейской общиной. Сеть клиентелы в целом оставалась стабильной вследствие взаимных экономических интересов и семейных традиций. К 1391 г. «la Magione» на Сицилии представляла собой сицилийское религиозное учреждение иностранного происхождения, независимое от местной церкви, но глубоко укоренённое в местном социуме.

В заключительной части «Уход (1392–1492)» (р. 275–424) автор следует той же логике описания взаимодействия

братии с местными элитами, экономических успехов и неудач, отношений «la Magione» и общества. Дополнительный аспект истории ордена на Сицилии, который удаётся реконструировать хотя бы фрагментарно для XV в., – повседневная жизнь братьев. На это столетие падает вхождение ордена в прямую зависимость от королевского двора (к началу XIV в. на Сицилии окончательно утвердились арагонские короли), что обозначало постепенное удаление «la Magione» от центральных органов управления орденом: к 1470-м гг. «la Magione» обретает автономию от ордена. К концу XV в. командор распоряжался 7 фьефами, 5 сельскими доменами и примерно 16 городскими владениями. Завершается история тевтонцев на Сицилии ликвидацией бальяжа и выездом рыцарей с острова, что было тесно связано с процессом создания территориальных монархий. Автор восстанавливает причины потери орденом бальяжа на Сицилии: а) усиление стремления Арагонского королевства взять под опеку «вакантные» религиозные учреждения; б) отсутствие достаточных средств у ордена для удержания средиземноморских бальяжей; в) ослабление призывов папства к возобновлению крестовых походов; г) возникшие у ордена трудности в снабжении Сицилии рыцарями; д) утрата интереса к Средиземноморью у голландцев, первоначально доминировавших в составе братии; е) изменение менталитета – трансформация духа сицилийских тевтонцев, ставших жадными до личной свободы, власти и ресурсов.

Последний пункт рассуждений К. Тоомаспозга раскрывается в 12-й главе, посвящённой повседневной жизни рыцарей. Характеристика нравов братии оказалась возможной благодаря уникальному источнику – незавершённой отчёту о проверке дел в бальяже, которую осуществили в сентябре 1491 г. Адольф фон Герольдсек и Вильгельм фон Вайблинген. Ревизоры прибыли в Палермо для изучения вопросов, связанных с попытками экспроприации бальяжа со стороны королевства. Опрос членов капитула неожиданно выявил ряд взаимных обвинений, дающих прекрасное представление о «мно-

гочисленных деталях жизни тевтонцев в конце XV в.». Основным «героем» отчёта стал командор Генрих Хёмайстер (Hoe-meister), типичный представитель раннего Возрождения. Ловкий дипломат и предприимчивый администратор, он оказался вдобавок весьма неразборчивым в сексуальных связях субъектом. Члены капитула обвинили его одновременно в наличии пятерых любовниц, многочисленного потомства от них и гомосексуальных контактах.

В источнике зафиксированы имена пяти сожительниц (три первых были больше подругами, чем любовницами). Брат Николаус Кирстен в своих показаниях не скупился на описание поистине декамероновских сцен, в которых участвовали командор и его возлюбленные. Хёмайстер также был компанейским человеком, любившим закатывать вечеринки, одаривать своих любовниц и играть в карты, словом, имел вкус к развлечениям. К. Тоомаспоэг называет его «сыном эпохи Родриго Борджиа» (р. 417).

Ряд обвинений был признан командором, в ходе его объяснений выявились различные скандальные факты в отношении других членов капитула. Вышеупомянутый брат Николаус Кирстен жил отдельно в Палермо, носил светскую одежду, любил застолья и сожительствовал с женщиной. Брат Ганс Лохнер нередко бывал наказан – он провёл в заточении 22 месяца по обвинению в краже (возможно, ложному). Согласно показаниям братии, брат Ганс был благочестивым и неприметным человеком, что не мешало ему периодически злоупотреблять выпивкой, отчего он становился весёлым и словоохотливым (р. 418). Брат Юстус Мёр был эксцентриком (о нём, констатирует К. Тоомаспоэг, никто не смог сказать ничего хорошего). Он не уступал братьям в разных пороках – вёл светский образ жизни, часто выходил в город по ночам и спал допоздна в течение следующего дня. Брат Юстус, разумеется, подозревался в противоестественных отношениях и был несдержан на язык (впрочем, в этом же он сам обвинял командо-

ра), он также неоднократно оказывался в заточении по обвинению в воровстве.

Вероятно, одной из причин того, что все эти малоприятные характеристики оказались преданы гласности, был жёсткий нрав командора, который постоянно наказывал братьев – заточением, побоями и ограничением в питании и карманных деньгах. Подробности личной жизни братьев, сохранившиеся в отчёте, интерпретируются автором монографии в свете общей тенденции к индивидуализации жизни тевтонцев. Все братья, кроме Лохнера, вели светскую жизнь; их религиозность приобрела исключительно церемониальный характер. Некоторые братья (как Кирстен) имели собственное хозяйство, что придавало зависимости от ордена лишь символический характер; другие (Лохнер и Мёр) оставались тевтонцами только в силу необходимости выживания.

Включённость членов ордена в светскую жизнь палермской знати, организация торжественных приёмов и вечеринок в бывшем монастыре, подарки драгоценностей любовницам¹ – все эти стороны повседневной жизни братии стали следствием изменения в менталитете, вызванного постепенной утратой связи бальяжа с руководством ордена. Братья конца XV в., жадные до личной свободы и принятые в обществе, совсем не похожи на тех суровых воинов, которые прибыли на Сицилию тремя столетиями раньше.

В заключении (р. 425–433) автор достигает следующего уровня обобщения, представляя палермскую «*la Magione*» моделью средневековой церкви (*ecclesia*), географически удалённой, но юридически зависимой от папы и императора. Эволюция этого религиозного института происходит в трёх фазах – создание, консолидация и ликвидация бальяжа. Пер-

¹ Список драгоценностей был составлен лично Хёмайстером, который признал в целом справедливость обвинений, но оспаривал общую стоимость подарков. Его любовница, отмечает К. Тоомаспоэг, вела себя как замужняя знатная дама в компании других дам, проводивших досуг в «*la Magione*» (р. 420).

воначальное обоснование братьев на чужой земле предполагает консолидацию ценой адаптации к местным порядкам. Эта адаптация порождает перемену в статусе бальяжа: «дом Святой Троицы госпиталя Святой Марии тевтонцев в Иерусалиме» стал «домом Святой Троицы тевтонцев в Иерусалиме» и наконец просто «домом Святой Троицы». Роль «*la Magione*» постепенно повышалась, особенно в связи с тем, что она располагалась в Палермо в отличие от госпитальеров и тамплиеров, которые имели свои фьефы на Сицилии. Предшествующая историография, по мнению К. Тоомаспозэга, недооценивала значение тевтонских рыцарей в политической жизни Сицилийского королевства. Автор постарался в своей монографии опровергнуть положения о том, что рыцари были вне политической эволюции королевства и не играли в его развитии никакой военной роли.

Три исторических фазы в развитии «*la Magione*» на Сицилии, резюмирует К. Тоомаспозэг, таковы:

1. Зарождение в период конвергенции международных явлений: папская политика крестовых походов совпала по времени с конкретизацией имперской идеи Гогенштауфенов. Эти два феномена привели к институционализации присутствия немцев в Средиземноморье путём передачи бальяжа на Сицилии Тевтонскому ордену. Консолидация бальяжа происходила в условиях равновесия интересов папы и императора.

2. Неизбежная адаптация. Транснациональный институт был вынужден укорениться в местном сообществе, с этой целью создавалась сеть местной клиентелы, завязывались отношения с элитами на острове.

3. Экспроприация в момент рождения государств раннего Нового времени. Сильная центральная власть и унификация испанских государств и Сицилии в государстве нового типа отмечают закат «*la Magione*». Для сильной центральной власти «*la Magione*» была производителем экономических ресурсов, а командор рассматривал себя как хозяина владений,

которыми он управлял. В результате сложной дипломатической игры командор «la Magione» покинул Сицилию – владения бальяжа были экспропрированы. История тевтонских рыцарей, утративших под средиземноморским солнцем свой воинственный дух, закончилась.

Таким образом, новейшая франкоязычная историография продолжает соединять традицию нарратива о Тевтонском ордене и подходы к анализу социальных и экономических структур, выработанные в рамках школы «Анналов». Французы смотрят на историю ордена в перспективе дальнейшей судьбы государств, возникших на завоёванных и обустроенных им территориях; даже дебаты о месте Калининградской области в политике единой Европы обнаруживают, по мнению историков, отголоски «тевтонской истории». В изложении странствий немецких рыцарей французу трудно сказать *новое слово*; однако Матьё Оливье и Даниэль Бюшингер удалось нарисовать впечатляющую картину рецепции ордена в культурах Восточной Европы и Франции. Изданное на французском языке фундаментальное исследование Кристиана Тоомаспоэга вписывается одновременно в немецкую традицию скрупулёзного анализа источников и во французскую традицию исторической антропологии. Конечно, «la Magione» К. Тоомаспоэга – это не *Монтайю*, *окситанская деревня*, однако широта взгляда и глубина анализа эстонского исследователя позволили ему воссоздать детальную историю тевтонского бальяжа в Средиземноморье, побуждающую задуматься о более общих закономерностях функционирования орденских учреждений в Средние века.

Об авторе

Дементьев Илья Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта, idedementi@mail.ru